

РОССИЯ, ЕВРОПА И ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВАЯ КНИГА

(А.И.Уткин. *Россия и Запад: история цивилизаций.*
Учебное пособие для студентов высших учебных заведений.
М.: Гардарики, 2000. – 574 с.).

Среди исследований, посвященных изучению цивилизаций, ставших актуальными в наше время в связи с проблемами самоидентификации, особенно народов Восточной Европы, выделяется своей капитальностью монография доктора исторических наук А.И. Уткина. Хотя она обозначена как учебное пособие для высшей школы, но, написанная строго научно, опирающаяся на обширную и разнообразную библиографию (407 наименований), представляет собой глубокое исследование становления и исторического развития российской цивилизации в контексте всемирной истории. Последнее хотелось бы подчеркнуть особо, ибо именно сравнительный анализ позволяет вырабатывать объективный анализ исторических процессов, не уводит в субъективизм, которым нередко грешат авторы, когда принимают сторону какого-либо конкретного субъекта истории (народа, общества, цивилизации). Это относится и к зачинателю поисков места России в европейских цивилизациях Н.Я. Данилевскому, название сочинения которого – “Россия и Европа” – повлияло, очевидно, на направленность рассматриваемого труда, и к ряду других авторов, у которых объективность теряется из-за национальных или политических интересов¹.

В предлагаемом обзоре я не ставлю задачи проанализировать всю монографию. И не столько из-за ее объема, сколько из-за того, что не считаю себя достаточно компетентным в проблемах новой и новейшей истории, чтобы разбирать соответствующие разделы книги. Остановлюсь на том, что мне ближе – на средневековье, тем более что именно в ту эпоху закладывались основы дальнейших цивилизационных процессов в Европе.

Уже во введении автор определяет задачу исторического исследования. Он подчеркивает, что история не может учить буквально, но облегчает понимание проблемы, помогает определить объективные возможности развития, исходя из нашей специфики. Нет гарантии, что история укажет правильный путь, но пренебрежение ею обрекает на повторение ошибок (9)². К этой же мысли Анатолий Иванович возвращается при завершении своего исследования и приводит слова известного французского историка Ф.Броделя, отметившего, что на основе анализа средневековых процессов “каждому, желающему понять современный мир и действующим в соответствии с этим пониманием, полезно определить на карте этого мира жизнедействующие цивилизации, определить их границы, их центр и периферию, их провинции и воздуж, которым они дышат, общие и особенные формы, созданные здесь. В противном случае последуют катастрофические ошибки в определении перспективы” (539).

¹ Об этом мне уже приходилось писать [См. Риер Я.Г. Заметки на полях одной книги: Орлова И.Б. Евразийская цивилизация // Веснік МДУ, 2000. № 2-3].

² Здесь и далее в скобках указаны страницы в рецензируемой монографии.

Само же введение автор начинает с общей периодизации российской истории, оставляя теоретические проблемы цивилизаций на заключительную часть работы, что методически вполне оправдано. При этом сразу же вводится общеевропейский контекст. И в дальнейшем исследователь неоднократно подчеркнет необходимость сопоставления российского общества именно с западноевропейским, как развивавшимся наиболее динамично.

Итак, российская история, если ее рассматривать с позиций отношений с Западом, делится на три периода: Первый – расселение вокруг рек [лучше было бы – вдоль – Я.Р.], впадающих в Балтийское и Черное моря, принятие христианства, освоение письменности, продвижение на лесной северо-восток, отделение феодалов от Киева, Новгородская и Псковская республики, освоение восточной части Европы, преимущественно по долинам рек. Второй – иго победоносных кочевников, навечно связавших судьбу России с северо-восточной Азией. Двухсотлетнее насильственное отделение Руси от западных соседей. Освободившийся “Третий Рим”, отдаленный и изолированный, закрепил специфические черты восточноевропейской цивилизации³. Третий – начался с посольства Петра I в Западную Европу. С тех пор в Европе идет важнейшая революция во всех сферах бытия, а Россия участвует в ее поворотах лишь частично. Эти 300 лет российской истории преисполнены жертвенными усилиями решить двудединую задачу: сохранить самобытность, свой менталитет и духовное наследие, но также открыть источники обновления, связанные с достижениями передовой соседней цивилизации (7).

И теперь Россия стоит на перекрестке трех дорог. Здесь автор пробует определить дальнейшие пути российского развития. Первый – сближение Востока и Запада в Северном полушарии. В послегорбачевской России эта идея поблекла – слишком явно обозначились межцивилизационные рубежи: по Атлантике, между Западной и Восточной Европой. Второй – манит единством европейского континента, наступившим после слома Варшавского договора и падения коммунизма. Но обозначились шрамы двух мировых войн. Западная Европа не хочет рисковать своей интеграцией в обширной и аморфной новой среде. Далее, на новом (по существу старом, восстанавливающем маршрут развития прежних столетий) пути страны Центральной Европы испытывают трудности, вызываемые различиями в историческом опыте и национальном менталитете, сталкиваются идеи индустриальной эффективности и социальной справедливости⁴. Третий путь, заключает автор, видимо выберет Россия, если будет заблокировано движение по первым двум дорогам. Не сумев пробить цивилизационную брешь, не имея адекватного моменту лидера (типа Петра I), она сможет обратиться внутрь себя и на Восток. Это – привычная дорога (8-9). Судя по всему, этот прогноз вполне реален.

В первой главе, автор представляет краткую характеристику западноевропейской цивилизации. Здесь, однако, он не углубляется в проблему и ограничивает себя эпохой, начавшейся с Великих географических открытий, с XV – XVI вв., когда западная экспансия резко, раз и навсегда, нарушила общее зво-

³ Здесь важно подчеркнуть, что уже до монголов на Руси проявились особые качества, отличающие ее от западных соседей – более прочная община. Но автор этих истоков российской цивилизации не касается, что несколько обедняет дальнейшую доказательную базу исследования.

⁴ Автор их называет, по западной традиции, восточноевропейскими, но, думается, их отличие от России требует более точного географического определения – расположены они все же в центре Европы.

люционное развитие основных цивилизаций (11)⁵. На рубеже XVI в., отмечает исследователь, происходит трансформация готического человека в человека прометеевского типа – титана, бросившего вызов богам. Спасение души его интересует меньше, чем господство в физическом мире (12). Здесь автор дает убедительный ответ многим критикам Запада, отмечая парадокс современного мира – 170 стран стараются неимоверными усилиями войти в круг 27 западных государств, составляющих круг восхищения и зависти, раболепия и ненависти (12). Запад, отмечает А.И.Уткин, не имеет смысла критиковать и потому, что основные современные гуманистические идеи были созданы именно на Западе. Даже наиболее серьезная критика мирового неравенства раздается не из Бразилии или России, а из западных университетов. Западу нет оснований бояться за свою судьбу и не из-за колоссальной военной мощи, а в силу значимости его цивилизационных и культурных оснований, политических установлений для мира в целом. Даже самые большие критики западного общества, от Мора до Маркса, руководствовались западными идеями. 500 лет шло восхождение Запада к современной его культуре. 500 лет никто в других частях Земли не смог воспроизвести эту сознательную и целенаправленную энергию (13).

В чем причины того, что небольшой полуостров Евразии стал в XV – XVI вв. центром мирового развития? Автор обращает внимание на благоприятную природную среду, но, очевидно, не считает ее главным фактором, определившим западную специфику. Он видит причины феномена Запада как результат стечения нескольких исключительно благоприятных обстоятельств. Первое – после победы при Пуатье в 732 г. на 1000 лет исчезла для Западной Европы угроза внешнего порабощения. Вторжения монголов и османов не сопоставимы с губительными для нескольких цивилизаций мира нашествиями воинов Мухаммада, Чингисхана, Тимура, сельджуков и османов. Сравнимое счастье безопасности имела лишь Япония до 1945 г. ⁶(15).

Второе – историческое наследие античности, попавшее через арабов и Маймонида в университеты Запада и приведшее к Ренессансу, не имевшему места более нигде в мире. “Античные тексты неимоверно ускорили развитие той части Европы, которая ранее ничем не отличалась от остального мира” – возникла та особая оптимистическая рациональность, которая стала отличать западного человека от других людей (16)⁷. Ренессанс, продолжает автор, способствовал рациональному восприятию человеческой жизни. Именно в эпоху Возрождения Запад, по существу, навязал [лучше, конечно, начал навязывать – Я.Р.] свою модель почти всему остальному миру – в сознании европейцев укрепилась вера в универсальность своего общественного устройства и своей системы ценностей. Тогда же произошел и трагический раскол Европы на Западную и Восточную⁸.

⁵ В главе представлено много интересных и важных наблюдений, но, к сожалению, не делается попыток обратиться к основам этой цивилизации, лежащих в своеобразном сочетании достижений античности и особенностей германской общины-марки. Это несколько снижает убедительность авторской аргументации, ибо начинать, естественно, желательно с начала.

⁶ Здесь в тексте есть ошибки: битва 732 г. при Пуатье названа битвой “при Туре...”, когда европейские рыцари отразили арабское нашествие”. Ведь тогда еще и рыцарей не было.

⁷ Очевидно, что автор не согласен с прямолинейностью географической школы, выводившей особость Западной Европы из ее географической специфики. Но все сводить исключительно к культурным феноменам – такая же односторонность. К тому же, с античными аспектами были знакомы и арабы.

⁸ Тут автор опять проигнорировал различия в средневековых формах собственности на западе и востоке Европы.

Третьим обстоятельством автор считает влияние Реформации. Произошла духовная "модернизация" – переход от религиозного самоотречения к более "равному" отношению с Богом, навеянный античным "опытом" общения с небожителями Олимпа. Влияние Ренессанса сказывалось не в отходе от христианства, а в придании отношениям человека с Богом характера своего рода договора, соглашения, основанного на рациональном восприятии высшей воли. Реформация модернизировала и католичество. Изобретение книгопечатания привело к новому типу человеческого сознания⁹.

Из всего этого, заключает исследователь, возник фаустовский тип личности. Стремление к земному могуществу – основа всепобеждающего типа мышления западного человека. Его характерные черты – внутренняя раскрепощенность, уверенность в собственных силах и превосходстве Запада, в господстве разума над иррациональной стихией, стремление "достичь предела" (17-20).

Далее, после анализа географических открытий и промышленной революции автор подходит, наконец, к истокам западной личности: цивилизационному единству региона содействует единое политическое кредо – частная собственность и частное предпринимательство, общее юридическое основание – равенство всех перед законом, общие этические представления, основанные на христианской этике. Именно Запад развил идеи народовластия, подняв из античного праха науку об управлении. На вершине своего могущества Запад устами А.Смита провозгласил принцип свободной торговли естественным и наилучшим состоянием мирового товарообмена (28-29)¹⁰.

В оценке западной цивилизации автор, представляется, абсолютно прав. В отличие от марксистской социально-экономической трактовки он считает, что капитализм – лишь ядро западной жизни. В отличие от Вебера он видит в протестантской этике лишь центр духовных преобразований, породивших капитализм (30). Вызов Запада – в том, что его активность и успехи сделали достоянием музеев множество коренных традиционных ценностей даже великих держав прошлого (31). Но автор не идеализирует Запад. Уже в заключении он подчеркивает, что характерной чертой западной цивилизации является насилие (525). Становление прометеевской личности, утверждение фаустовского менталитета безграничных потенций западного человека (проявившихся в эпоху Ренессанса) привело его к непомерной гордыне, самоуверенности, эгоизму, массовому насилию (527). И общий вывод – мировая вестернизация "не создает глобального порядка, направляемого всеобъемлющим гуманным рационализмом – лучшим качеством западной цивилизации" (528).

Тем не менее, Запад сделал невозможным для незападного большинства мира прежнее развитие. Вестернизация связала все континенты. Та или иная форма имитации Запада стала основой выживания для России, Индии, Китая, Японии... (32). Неизбежным результатом вестернизации является подрыв и дискредитация всех незападных культур, а их элиты оказываются в положении учеников. Но западный уникальный дух всевластия над природой и возможности оптимизации общественного устройства с трудом воспринимаются остальным миром (33). Ответом на неожиданный подъем Запада стало сначала удивление, потом и ксенофобия многих древних цивилизаций (34). Наиболее успешное про-

⁹ А книгопечатание в Китае и Корее? Почему оно там ни к чему подобному не привело? Сказывается уже отмеченное ограничение автора исключительно культурными феноменами.

¹⁰ К сожалению, эти коренные, основополагающие черты Запада представлены здесь столь кратко, что, боюсь, далеко не всех убедят. Тем более, что книга предназначена и студентам, не очень искушенным в античной и раннесредневековой истории.

тивостояние Западу в сохранении своих традиций и идентичности оказала лишь Япония (38). В итоге Япония оказалась *“единственной незападной цивилизацией, которая, уважая мощь Запада, никогда не смотрела на него с завистью, не мечтала стать его частью и вступила с ним лишь в вынужденные отношения”* (39)¹¹.

Справедливо наблюдение автора над спецификой Германии, которая, как он отмечает, занимает на Западе особое положение. Ее от других стран Запада всегда отличали феодальные черты. В общественном сознании от романтиков XVIII в. до фашистов там влиятельными были почвенные, антизападные идеи; преобладала критика Запада – коррумпированного, преклонявшегося “золотому тельцу”, лишенному черт рыцарственности. Т.Манн даже в Первую мировую войну отрицал принадлежности Германии Западу. Она и вступила в эту войну с идеями “остального мира”, чтобы ответить Западу. Но, продолжает автор, германскому обществу были близки западные идеи модернизации, роли индивида. Это помогло ей после Второй мировой войны преодолеть двойственное отношение к Западу, погасить романтически-почвенное начало и, сформировав западную политико-психологическую идентичность, стать интегральной частью Запада (24-25)¹².

Центральная же и Восточная Европа [у автора – вся она – Восточная – Я.Р.] всегда в силу географической близости находилась под влиянием культуры и идей Запада. С эпохи Ренессанса мерилем уровня культурного развития считалась здесь степень близости Западу, для элит – похожесть на него. Но там только чехи обладают национальным сознанием, близким западному (рациональность, ориентация на результат, неприятие неадекватной эмоциональности, прагматизм)¹³. В остальных странах региона Ренессанс и Просвещение не очень затронули процесс формирования национального психологического склада. Западное влияние в Польшу – через католицизм, на Балканы – после освобождения от османского гнета. В России западное влияние стало ощутимо после Петра I, особенно при Екатерине. В итоге все эти страны подчеркнута и категорично заявляют о своем желании принадлежать западной культурной традиции, всячески стремятся подчеркнуть свою устремленность к Западу и охотно переписывают историю на этот лад. Но практически на каждом историческом этапе у этих народов отсутствует западная парадигма жизни, требующая рациональности, индивидуализма, организованной эффективности. Вопреки искусственным имитациям групповой менталитет народов этих стран действует по своему восточноевропейскому стереотипу. *“Народы действуют так, как направляют их история и география, как диктует обобщенный опыт их социального развития, их выработанная веками общественная этика. Восточноевропейский набор традиций, обычаев, эмоционального опыта близок западному в той мере,*

¹¹ И здесь автор не касается истоков специфики Японии, связанных с тем, что в ней – единственной в Азии – еще в раннем средневековье сложилась частная собственность на земельные владения.

¹² Но сделав такой оправданный вывод, автор, не обосновывает его хотя бы кратким анализом германской специфичности. А заключалась она в том, что, оказавшись на периферии средневековой западноевропейской цивилизации, не испытав влияния античного наследия, германское общество, как, кстати, и скандинавское, роднилось со своими западными соседями традициями индивидуального крестьянского хозяйствования и слабыми общинными связями. Поэтому и были близки немцам западные представления о частной собственности и роли индивида.

¹³ Опять же – почему? Все-таки, думается, автору не надо было отказываться от рассмотрения хозяйственных и социальных основ цивилизаций. Иначе многие верные наблюдения не выглядят убедительными.

в какой история заставила эти два региона взаимодействовать. Но он отделен от Запада в той мере, в какой история Запада была иной, чем история Восточной Европы” (39-40)¹⁴.

В следующей главе А.И. Уткин анализирует причины различий запада и востока Европы. Одно из отличий – климат, требовавший на востоке коллективного труда, что отличало русского человека от западного индивидуалиста. Другое отличие – в способе привнесения христианства на Русь. В Восточной Европе Библию перевели на славянский язык, что способствовало быстрой христианизации Руси, но отсутствие необходимости для просвещенных людей Руси знать греческий отрезало их от эллинского мира. На Западе же латынь, долгое время служившая преградой между толпой и знанием, в начале II тыс. открыла европейцам невиданный по богатству идей и впечатлений мир античности. К тому же латынь позволила западным странам общаться между собой в научной сфере. Свои рассуждения автор дополняет цитатой из Г.Федотова: *“Мы получили в дар одну книгу, величайшую из книг.... Но зато эта книга должна была остаться единственной. В грязном и бедном Париже XII в. гремели битвы схоластиков, рождался университет – в “золотом” Киеве, сиявшем мозаикой своих храмов, – ничего, кроме подвига печорских иноков...” (43-44).*

Следующее отличие: с юга восточные славяне получили благодать и духовное наследие уходящей с исторической арены Византии. Западно- и восточно-европейская цивилизации вышли из одного греко-латинского корня, но разошлись тогда, когда Византия утратила влияние на Запад, в IX в. (44-46)¹⁵. Раскол 1054 г. знаменовал размежевание между западной и восточноевропейской цивилизациями. Падение Византии и зависимость Балкан от османов привели к тому, что русская элита – княжеское окружение и столпы церкви – психологически ощутила чувство одиночества, затерянности, окруженности враждебными силами. Именно тогда, подчеркивает автор, возникла идея “Третьего Рима” и идея миссионерства в окружении враждебных сил проникла в русский менталитет (то в виде православия, то коммунизма) (47-52).

Здесь автор делает тонкие наблюдения над развитием личности в культурной составляющей российской цивилизации¹⁶. Идеи, сходные с лютеровскими, не могли проникнуть в клерикальную среду России. Русские молились миром. Библия не переводилась на обыденный язык, отношения с Богом не принимали персонального характера (53). Автор выделяет драматический эпизод из церковной истории России – конец XV в., когда произошел идейный кризис, в значительной мере определивший, как он считает, путь развития России – конфликт иосифлян и нестяжателей (53). Иосифляне были за суровую монастырскую жизнь без обязательного физического труда, но со смирением, повинованием, покаянием. Нестяжатели – тоже поддерживали принципы самоотречения, но на условиях обязательного физического труда. В их апологии труда во имя спасения А.И. Уткин видит протопротестантские черты, некоторый рационализм, сходство с учением Яна Гуса (спасение через труд, “молись и работай”) (54). Но “приватизация” отношений с Богом, возведение трудолюбия в показатель божьей благодати не осуществилась. Победа иосифлян на церковном Соборе 1503 г.,

¹⁴ Здесь автор совершенно неоправданно допускает суммарное рассмотрение Центральной и Восточной Европы. Он не видит между ними серьезных исторических различий.

¹⁵ Надо заметить, что и раньше Византия не особо влияла на Запад, вернее, почти вообще не влияла на западных варваров. И упадка IX в. в ней не было. Такие неточности, к сожалению, встречаются в тексте.

¹⁶ Заметим, что именно культуру он считает основой цивилизаций.

возможно, повела Россию “в сторону от индивидуализма, укрепили коллективистские начала в религии, в крестьянской экономике, где производительной единицей была община, а не частный собственник, в политике, где власть была делегирована монарху и осуществлялась не с персонального согласия подданных, так и не ставших гражданами. Этот момент был одним из важных перекрестков русской истории, и Россия избрала путь, который явно не вел к сближению со стереотипами нарождавшегося западного образа жизни, западного мышления” (55)¹⁷.

Также существенное влияние на Русь оказала степь, которая еще более отдалила ее от Запада, что подчеркивали евразийцы. Осуществился синтез славянского и монгольского элементов. Русские чувствовали гнет и унижение, но князья ездили в Орду, служили ей, роднились с монголами, делили с ними опыт. Причисленный к лику святых в 1547 г. Александр Невский, борясь с меченосцами, ощущал монгольскую поддержку. Всё это сказалось в военном строительстве, в изменении нравов, в некотором принижении роли женщин по сравнению с их ролью в Киевской Руси, в сохранении связи с Востоком (48-51). Автор приводит и слова А. Тойнби: создание Московией русского универсального государства “свершилось до того, как она стала испытывать на себе давление со стороны западной цивилизации”.

Западное влияние, продолжает автор, преобладало в киевскую эпоху и при Романовых (49). Протозападником можно назвать изменившего Ивану Грозному князя А.М. Курбского, а боярин В.В. Голицын, высоко взошедший при царевне Софье – вполне западник – поклонник и проповедник западной цивилизации (89). К концу XVII в. в России уже складывается представление, что Россия отстает от Запада (92), что насколько Восток слабее России, настолько Запад ее сильнее. Тогда же появляется и ощущение заговора Запада против России (93). Но “в России так и не сложился хотя бы относительно независимый средний класс; цари владели подданными от первого боярина до последнего холопа; купцы, столь осведомленные и независимые на Западе, в России всегда были частью служилых людей и не могли обозначать свою политическую особость; жизнь всегда строилась сверху вниз, а не наоборот. Так было и до вторжения византийской традиции, которая лишь закрепила эту парадигму; царь пришил себе и религиозную власть, чего на Западе не было” (52-53)¹⁸.

Представляет интерес и авторский анализ цивилизационных процессов, происходивших в Великом княжестве Литовском. Литва совершила свою объединительную работу в период монгольской зависимости Московии в XIV в. Часть литовских князей приняла православие от славян. Но в то же время литовско-славянское княжество было гораздо более приближено к западным нравам, обычаям, порядкам и ценностям: там распространилось Магдебургское право для городов, установлены связи с Ганзой. Однако шанс создать Русь, изначально более близкую Западу, был перечеркнут выбором литовской верхушки – Кревской унией 1385 г., после чего начался процесс полонизации и католизации русских жителей Литовской Руси. В результате ВКЛ так и “не стало воротами Запада” (51). Католический прозелитизм толкал Польшу на активную католизацию Литвы “и соседняя Русь виделась папству продолжением этой политики. Но слабо подверженная западному влиянию, лишенная западной рациональности и

¹⁷ В принципе, это верно, но здесь у автора – излишняя абсолютизация момента. Ведь все это было заложено уже при становлении восточнославянской цивилизации.

¹⁸ Очень точное наблюдение, но здесь опять не хватает ответа на вопрос: так отчего же, все-таки, родилась восточнославянская, затем российская особость?

эффективности феодальная Речь Посполитая не генерировала энергию западного накала. Самоуверенность слабой державы, отдавшей иезуитам свою восточную политику, стала невольным барьером на пути вовлечения Руси в западное гравитационное поле" (58)¹⁹.

Здесь прервемся, ибо последующие главы книги, как отмечалось выше, посвящены более поздним историческим периодам.

В заключение автор формулирует представление о самом понятии "цивилизация", которое возникло в Западной Европе в XVIII в., в эпоху Просвещения и стало восприниматься именно как западная цивилизация, как высшая ступень развития человечества. Возможно одним из первых скептиков, кто выразил сомнения во всеобщей приложимости ценностей одной цивилизации к другой, был шотландский философ А. Фергюссон. Он пришел к признанию о существовании иных систем органических ценностей, иных цивилизаций и – к сомнению в правильности "пирамидальной" европоцентрической цивилизационной системы, представлений о линейном развитии мировой истории, которые показывали национальные культурные различия как второстепенные, занижали значимость среды обитания, культурного опыта, религии, исторических предрасположенностей. Немецкий ученый И. Гердер считал невозможным уподобление одного народа другому и сопоставление различных эпох. Аналогично рассуждал английский позитивист Г. Спенсер, выделявший, по крайней мере, 2 вида цивилизаций: европейскую, ориентированную на "внутреннюю среду", на удовлетворение потребностей общества и его членов, и милитаризованные цивилизации Востока, ориентированные на внешнее окружение. Отсюда английский историк Г. Бокль различал линейно развивающуюся цивилизацию Запада и циклически развивавшиеся цивилизации остального мира. Немец Г. Рюккерт множественность цивилизаций аргументировал примером Китая, цивилизационно чуждого западной культуре (522). В России, при господстве западничества, во второй половине XIX в. появилось представление об особой восточноевропейской цивилизации, противоположной западной. Во Франции Э. Дюркгейм в начале XX в. тоже обосновывал множественность цивилизаций. Он выделял "социальные виды" – фактически самодовлеющие цивилизации "*Последовательный ряд обществ не может быть изображен геометрической линией, он скорее похож на дерево, ветви которого расходятся в разные стороны*". И автор заключает, что "*в XX в. понятие "цивилизация" уже не трактуется как высшее достижение человечества, а означает характеристику феномена, ограниченного пространством и временем*" (521-523). В принципе, такой подход оправдан. Действительно, представления о линейном развитии истории оказались излишне оптимистичными.

После такого теоретического отступления автор выделяет в современном мире 7 основных цивилизационных парадигм: западную, латиноамериканскую, восточноевропейскую, исламскую, индуистскую, китайскую и японскую.

Западная, считает автор, в перспективе ослабнет из-за: 1) подмены прав индивида правами групп, 2) раскола на североамериканскую и европейскую части,

¹⁹ Здесь, как и в других местах книги, ощущается презрительное отношение к Польше, наиболее ярко выраженное еще у Н. Я. Данилевского, но, по-видимому, засевавшее "в подкорке" российской историографии. Но, тем не менее, суть схвачена верно. Действительно, ВКЛ не сумела перевести развитие входивших в нее приднепровских славян в западное направление, в том числе и из-за недостаточной "западности" самой Польши, входившей в Центральноевропейскую региональную цивилизационную модель и еще только догонявшей западную цивилизацию.

3) веры в свою универсальность (она ценна и сильна не тем, что она универсальна, а тем, что она уникальна)²⁰. **Латиноамериканская** – явно отошедшая от Запада, ныне самостоятельная ветвь с хрупкими демократическими традициями, с корпоративной мистической культурой, католицизмом без признаков Реформации, влиянием местной культуры [лучше – местных культур]. Она смирилась [оригинальное выражение] с ролью “подвала” Запада. **Восточноевропейская**, происходящая от византийской (где Россия мечется в поисках своего места) – после крушения коммунизма достаточно быстро обнаружила, что коммунизм не был единственной преградой на ее пути в направлении Запада. Православие, коллективизм, иная трудовая этика и т.д. препятствуют построению рационального капитализма в нерациональном обществе. Ее размеры теперь сокращаются. Если в 1900 г. к православной цивилизации относилось 8,5% населения земли, в 1995 г. – 6,1%. В 1980 г. страны православного ареала производили 16,4% мирового валового продукта, теперь – 6,2%²¹. России нужно сделать выбор, кто она: подчиненная Западу или просто молодая ветвь индоевропейского древа, или представитель христианской – общеевропейской культуры, или – особой восточноевропейской цивилизации? **Исламская**, родившаяся в VII в., при всех культурных различиях объединена религией и ее внешние границы превратились теперь во фронты. В 1900 г. мусульман было 4,2% в мире, в 1995 г. – 15,9%. Растет их доля и в промышленном производстве. **Индуистская**, возникшая не менее 4 тыс. лет назад, обратилась к собственному фундаментализму в ходе кровавых столкновений с мусульманами. Учитывая рост промышленного потенциала, впереди у Индии – радужные перспективы. **Конфуцианская**, с родственными культурами Кореи и Вьетнама обнаружила основу для консолидации в Восточной Азии на основе конфуцианской этики – трудолюбия, почитания властей и старших, стоического восприятия жизни, то есть на основе фундаментализма. У региона – богатый потенциал (543). **Японская**, хотя и отпочковалась от китайской в первые века н.э. [а не в последние века I тыс.? – Я.Р.] приобрела своеобразные черты (539-544).

Отсюда – прогноз. Вслед за Хантингтоном автор считает, что предстоящая интеграция этих цивилизаций недостижима (539-544). В историческом развитии таких стран, как Россия (у которых сложилась ярко выраженная особенность: меньшая часть их населения эмоционально и часто культурно отождествляет себя с Западом, в то время как основная масса людей принадлежит к иному цивилизационному полю) возможен один из двух вариантов: либо западные ценности войдут в “генетический код” большинства населения, либо правящая элита сменит свой иносцивилизационный комплекс. Все это ставит под удар схемы недавнего прошлого, типа строительства “единого европейского джма” – Большой Европы от Атлантики до Урала и т.п. (546). Запад зря напрягался, замечает автор, помогая Тайваню, Гонконгу и Сингапуру. Ибо там сохранились свои традиции [то есть Запад укреплял потенциальных противников] (547). Далее автор излагает прогноз дальнейшего роста азиатских цивилизаций и, впервые за 500 лет, отступления Запада (546-553). Но футурология – уже не удел историка.

И завершает А.И.Уткин свое исследование следующим выводом. Подлинные движущие силы истории – идеи красоты (в самом широком смысле) и идеи

²⁰ Но сколько уже ее хоронили! Ведь уникальность ее и в том, что она пока что всегда могла преодолевать кризисы и даже укрепляться на каждом историческом витке. Так что прогнозы здесь рискованны.

²¹ Эти данные некорректны, ибо в них включено никому теперь ненужное вооружение, все эти тысячи разрезанных недавно на металлолом танки.

справедливости. Идея красоты – это идея свободы и величия, неограниченной самореализации личности и всего народа. Она ведет к богатству возможностей личности, досугу и достатку, расцвету искусства. Эта идея направила энергию личности на освоение мира. Но созидатели нового нередко творили на костях побежденных, и, сталкиваясь с инстинктом самосохранения, эта идея рождала другую – идею справедливости, которая определяла стремление к равенству и честному выбору. Идея красоты – западная идея, она модернизировала мир. Но, с одной стороны это – триумф человеческого гения, поднявшегося над равнодушной и жестокой природой, а с другой – драма ломки вековых традиций, изменения исторически выработанной системы ценностей. Отсюда – противодействие, причем оно – не всегда означает косность и обскурантизм, чаще это – традиции, обычаи, религии, самобытный менталитет (555-556).

В России западные основы российского культурного кода сильны, но дают себя знать своеобразие, евразийские черты. Идея красоты влечет Россию на Запад, но идея справедливости вносит свои коррективы. При движении в сторону Запада России предстоит испытать все трудности реализации догоняющей модели развития. России надо выбрать модель модернизации, направление которой будет зависеть от степени активности и позиции интеллигенции, от позиций внешнего мира, но прежде всего – от национального самосознания, которое обязано сделать вывод из пятисотлетнего исторического опыта [сосуществования с вышедшим на мировую арену Западом – Я.Р.] (557). Так, как нам представляется, автор исподволь подводит к идее выбора пути сближения с Западом, ибо иные цивилизации едва ли имеют опыт материальной модернизации.

Таковы те места из этой очень интересной и, вернусь к началу рецензии, по научному объективной книги, в которой внимательный читатель найдет много обоснованных и выверенных наблюдений и выводов из человеческой истории. Повторюсь, что книга выиграла, если бы автор обратился к материальным истокам европейских цивилизаций. Но, возможно, прав был Козьма Прутков – нельзя объять необъятное.